

Очерки из ниоткуда

Самоизоляция 2020

12+

Анна Словетская

Анна Словетская

**Очерки из ниоткуда.
Самоизоляция 2020**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Словетская А.

Очерки из ниоткуда. Самоизоляция 2020 / А. Словетская —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

"Из России, с любовью.." - слоган моей компании, занимающейся уличной едой (fast food). Но в период карантина мне пришлось закрыть её и отправиться в никуда, пережить худшие времена. Оттуда и написаны эти очерки, в которых есть размышления о скоротечности жизни, позднем замужестве, невозможности иметь детей и воспитании племянника. Самостоятельный вход и выход из депрессии и психологическая работа над собой. Книга написана с легкой руки и приятна в чтении.

Очерки в самоизоляции. Город Никольск Вологодской области.

Поезд Москва-Абакан. Пустое купе, за окнами мелькают фонари и верхушки сосен. В отражении окна смотрю на юную девушку, в которой совсем не видно груза проблем за мило-видной внешностью. Стук колес, мысли по кругу, где-то вдоль прохода слышен звон ложки в стеклянном стакане, который плотно обоснован в железном подстаканнике «ржд», доносятся голоса пассажиров и проводника, и совсем не хочется слышать музыку в формате mp3. Все эти звуки и есть музыка, саундтрек к любой поездке.

Прибытие в 10:31, а значит впереди длинная ночь. Меня всегда удивляло время отправления и прибытия. Точнее его точность в минутах, например: 12:32, 11:44 или 10:31, как сегодня. Несмотря на планы по монтажу видео проектов в пути, я устраиваю под головой мягкую сумку поудобнее, и засыпаю. Просыпаюсь в 5:46 с чувством достаточности отдыха. Начинаю творить. Спустя два часа засыпаю снова. Наконец, наступает время, когда до нужной станции остается менее 20 минут. Алилуя. Я встаю заранее, надеваю свой кожаный белый плащ, шнурую любимые кеды стоун, с высоким бортом, и, подпоясавшись улыбкой, выдвигаюсь в сторону тамбура\выхода из вагона.

Имея при себе два огромных чемодана, – двигаюсь медленно, дабы не потратить лишних сил. По пути меня подхватывают двое и выгружают багаж. Безмерно благодарна за помощь. На пустом перроне промозглый ветер и лужи. Небольшие кучки людей рассеиваются в разные стороны, а я, в отличие от них, твердо стою на одном месте, ожидая отца. Впереди ярко-желтое здание станции «Шарья». Позади несколько ЖД путей и отбывающий поезд Москва-Абакан. На телефоне высветилась фотография моего любимого старика, он сообщил, что машина сломалась на трассе, и за мной уже выехал дядя Миша. Дорога до родного дома выходит 140-150 километров, но дорогой её можно назвать с натяжкой. Скорее направление или полоса препятствий вдоль таежных лесов. Асфальт разбит до той степени, когда его можно спутать с последствиями бомбежки, но это нюансы. Моросил дождь, серые краски сырого вокзала кричали о пропасти между Москвой и тем местом, куда я направляюсь, но на лице, под маской, была легкая улыбка. Я ожидала встречи с домом, как с уютным креслом возле камина или утренним греющим лучиком солнца, сквозь холодные стекла.

Дядя Миша задерживался, и я уже начала замерзать. Спустя 20 минут я увидела его изда-лека, вокзал был пустой. Белый респиратор на лице и медицинские белые перчатки контрасти-ровали на фоне мокрого асфальта и путей. За годы, пока мы не виделись, он немного поседел и чуть прибавил в весе. Он шел ко мне быстрым шагом, но приближаясь, замешкался, из-за пандемии нужно держать дистанцию, и мы не обнялись. Мне показалось, что он не на шутку взволнован, но пытается не подать виду.

– Ого! Что это у тебя там? – Спросил дядя Миша, поднимая мои огромные чемоданы.

– Всё самое необходимое для сельской местности! – В шутку отвечала я.

– Да? И что же это? – Чуть засмеявшись, он переспрашивал.

– Модные наряды от Юдашкина и немного парфюма. – Я отвечала без шутки, но смеясь.

Мы разрядили обстановку, и подойдя к машине, говорили о папе. Он уже заменил рычаг, что сломал, поймав яму по пути сюда, и возвращается домой. Мы приедем чуть позже.

Когда мы сели в машину, я сняла маску, в которой стояла на вокзале и ждала приезда дяди. В этот момент его взгляд заметно изменился и устремился на маску, что была в моей руке. В замеревшей минуте я почувствовала его отчаянье и тревогу. Дядя, как и все, переживал о ситуации в стране, связанной с коронавирусом. Я приехала из самого тревожного региона и его волнение усиленно трехкратно. Теперь москвичи – это самые нежеланные и неожиданные гости в любом городе, ведь они могут быть заражены коронавирусом. Им присвоен внегласный статус «враг государства».

Я ничего не сказала дяде и он мне. Всю дорогу он ехал в респираторе и перчатках, пыта-ясь болтать невстревоженным голосом. Я же – держала в руках маску и думала о том, что если

бы я и вправду являлась носителем этого вируса, нас не спасли бы ни маски, ни перчатки, ни штора между сидений. По середине маршрута нас ожидали несколько постов, но все они были пусты, кроме одного. Патрульная машина стояла у здания, но на улице не было видно сотрудников. Дядя Миша был уверен, что нас остановят, проверить температуру, так как в первый путь его останавливали, но никого из служащих так и не появилось. Мне показалось, что он особенно был огорчен этим фактом. Теперь он в полнейшем неведении и переживании о том, здорова ли я, а соответственно и он. Я чувствовала себя изгоем. По началу. А потом вспомнила ту суку, что я взрастила внутри за годы, и бросила это неблагодарное занятие по признанию своего несоответствия ожиданиям общества.

Мы наконец-то заехали в город. В нем мне всё знакомо. На въезде школа, в которой я училась до третьего класса, и в ней всё ещё есть воспоминания о том, как меня и сестру привозили на уроки родители в пятнадцатидверной ниве темно-фиолетового цвета. Помню день, когда я не хотела идти на уроки и пыталась придумать причину. Даже сказала, что у меня жутко болит нога, хромила и делала жалобные глаза, но мама была неумолима. Если честно, я не помню причин, по которым моя мама могла бы разрешить остаться дома. Их, наверное, и нет, кроме явных заболеваний. Хорошее тогда было время. У всей семьи был царь в голове. Все ещё были живы, и в воздухе зарождался запах перемен.

А теперь моя школа пустует в режиме самоизоляции, и вдоль забора висит полосатая лента, обозначающая запрет входа. Грустная картина. Знакомые до боли улицы утыканы магазинами, в которых теперь так же никого. На повороте, что ведет к нашему дому стоит здание местной автостанции. Я всю жизнь думала, что это муниципальное учреждение. Так как автобусы ходят только в деревни, сам городок маленький и не нуждается в общественном транспорте и светофорах. Но совсем недавно узнала, что её закрыли и продали какому-то частнику. И теперь там делают торговый центр. А что насчет людей, которые живут в деревнях, что на расстоянии 5, 10, 40, 60 и даже 100 километрах от районного центра – неизвестно. Видимо будут чаще и дольше дышать свежим воздухом. Немного обидно, в такие моменты. Всё детство я смотрела, как разламывается до конца сельское хозяйство и деревни, а теперь смотрю, как ломаются города.

У дома, на улице, меня, конечно же, ждал папа и не уходил домой. В отличие от дяди Миши, он крепко прижал меня к себе. И был рад тому, что я наконец-то дома. Он начал объяснять что-то о машине и причину того, почему не смог забрать, а я думала, как ему объяснить, что всё это неважно. Когда живешь далеко от своей семьи, порой мечтаешь об этих объятиях до хруста в плечах при встрече, а он мне про машину. Тут же из дома выбежала мама, в накинутой наспех куртке, а за ней маленький атаман, что залез в папины ботинки и еле шлепал в них, пытаясь не отставать. Мы обнялись, она заглянула в мои глаза, чтобы как обычно проверить их состояние, обнялись ещё раз, и пошли в дом. Папа остался с дядей Мишей, выгружать вещи, а я, уходя домой, обернулась и заметила, что папа убрал будку от Чарли, нашего пса. Он умер зимой, точнее ушел и не вернулся, как и надежды этого города на развитие. Так делают старые псы, когда чувствуют смерть. Нужно уметь уходить. Людям ещё стоит долго учиться. Но и старое нужно отпускать, и я решила оставить грусть за порогом дома, в дверях гаража.

Дома меня ждали лучи солнца полосами на ковре, запах вкусного обеда и раскиданные игрушки племянника. Мама отправила нас мыть руки, и мы последовали в туалетную комнату. Максим заметно подрос с последней встречи и не умолкал, всё время рассказывая мне о планах, которые нам предстоит осуществить вместе. Необходимо освоить велосипед, построить гаражи для машин, помочь деду, а ещё скоро рассада и новый сезон любимого мультфильма, а на майские приедет мама, и мы пойдем жарить мясо в беседке. «Дел невпроворот, наконец-то ты приехала, тетя Аня».

Солнце разливалось не только по кухне, но и внутри меня. Мама приготовила мой любимый салат, пожарила домашних котлет и картошечки, это уже верх гастрономического удо-

вольствия, но ещё не всё, далее суп, который в детстве я называла «мой простой суп», и просила готовить мне только его, потому что не любила другие. Сверху моё любимое печенье к чаю, а вместе с ним море конфет. Вот в нем-то мы с Максимом и задрейфуем. Атмосфера на кухне родительского дома всегда волшебная. Всегда светло и вкусно. Периодически тихо, периодически шумно, но неизменно уютно. Уют в доме для меня и есть слово «мама». Когда я произношу его, сначала представляю её теплые нежные руки, а затем наш дом, точнее кухню. Представляю, как свет крадется из-за шторы на накрытый стол, сквозь легкую дымку, пахнет пирогами, где-то в других комнатах суета, но здесь тихо и спокойно. Мама готовит яблочный пирог и слышно, как кипит вода в чайнике. Цветовая гамма включает: белый, нежно розовый, теплый желтый, мягкий коричневый и немного оранжевого, схожего с цветом персика в соку.

После семейного обеда, права на меня перешли к Максиму. Нам предстояло выполнить много дел. Для начала собрать то легио, что я привезла ему в подарок. Каждый раз, когда я смотрю на моего племянника, мечтаю о детях. Вспоминаю те времена, когда опрометчиво придумывала имена для наших будущих детей вместе с тем, с кем не сложилось. Мы построили целую жизнь в разговорах, планах. А прожить её так и не смогли. И почему всё так не справедливо? Те кто мечтает о детях – не может их завести, а те, кому они даны – отправляют их к родителям на 8 месяцев из 12 в году.

Из всего того, что было вокруг, больше всего меня тревожил папа. Мама сказала, что у него было несколько приступов удушья. Он мне об этом не обмолвился ни словом в наших телефонных переговорах. И я начала переживать. Ведь мою любовь к папе не измерить этими километрами молчания. Мы много молчим. О главном молчим. Но от этого любовь в сердцах лишь крепчает. И порой даже лучше, что у нас друг для друга только хорошие новости. Мы делимся только хорошим, остерегая друг друга от плохого. Это и есть забота.

Вечером меня ждала баня, которую родные топили для меня, замачивая березовые веники, подкидывая дрова. И в очередной раз, надеясь на то, что я буду париться, а не мыться с открытыми дверьми. Но с годами ничего не изменилось. После того, как врачи в мои 23 года запретили повышать температуру паром, у меня отрезало желание ходить в горячую баню. И я старалась её избегать. Об этом приходилось переживать моим старикам. Для них горячая баня – это обязательный пункт, а для меня – полоса препятствий. Но самое классное, даже с таким расхождением во взглядах и подостывшим паром, выйти из нее в прохладный ночной воздух. Вдохнуть полной грудью и чувствовать, как кровь разгоняется по всему телу, начиная от щек. А после упасть на чистую постель, от которой пахнет свежестью, что есть только дома. И заснуть самым крепким сном, зная, что оберегать его будут как минимум двое самых любимых и родных. Как говорится, мой дом – это моя крепость. И хорошо, что есть тот дом, в который я всегда могу вернуться.

Новое утро бодро ворвалось в мою постель. Я очнулась ото сна, в котором мне, впервые в жизни, приснился жених, согласно старой поговорке «на новом месте, приснись жених невесте». Это был незнакомый мне молодой человек, но очень схожий с одним из моих прежних знакомых. И чем больше я перебирала в голове детали сна и попытки вспомнить его лицо – тем больше оно стиралось из памяти, черты становились схожи с кем-то другим, фрагменты растворялись, как круги на воде.

Его глаза меняли форму из-за сравнения с каждым моим знакомым и незнакомым человеком. Я так сильно хотела поверить в сказку, что отчаянно искала в памяти того, кто мог бы стать тем самым суженым, ряженым. Но вскоре поняла, что этот молодой человек мне не знаком. Хоть во сне всё было более чем реально. Мы стояли на большой площадке, что-то вроде парка Горького, вблизи фонтанов и домиков с быстрой едой. И я, по-моему, выходила из одного из них. Помню, как он ждал меня, в пустом людном месте. То есть, как бы с краю шумных событий. Помню, как подошла к нему и сказала что-то маловажное, а он взял моё

лицо двумя руками, что-то сказал, смотря мне в глаза, и поцеловал, так жадно и нежно, как если бы скучал по мне целую жизнь.

Именно это и я чувствовала внутри. А потом я проснулась. Так резко и не вовремя. Мне, как никогда ранее, хотелось снова заснуть и досмотреть эту историю, но по закону подлости – продолжение бывает лишь у кошмаров. И я отправилась в ванную.

Стоило мне приоткрыть дверь своей комнаты, я услышала голос Максима. Он звал меня играть, и, судя по всему, уже давно бодрствовал. На завтрак меня ждала самая вкусная и самая неправильная еда, – жареная картошечка. И умопомрачительный аромат пирожков. За одни такие моменты, я обожаю мою маму. Она мой лучший подарок, хоть родителей и не выбирают.

В телевизоре гремели мультики, и мама что-то делала напротив. Чуть позже я поняла, что это зарядка. И присоединилась к ней. В конце концов, нельзя запускать себя и поддаваться лени. А тут такой случай, самый главный командир на нашем судне(мама) увлекся спортом. Нужно поддержать нововведения.

В разговорах с мамой я узнала, что папа теперь тоже в спорте. И это радовало. Меня ожидали ежедневные семейные утренники. Я за долгое время, впервые, начала себя чувствовать частью семьи. Не просто любить её, а ощущать себя членом этого маленького бойкого клана. И порой, эмоции вгоняли меня в минутный ступор, мысли кружились в голове. И я приходила в себя, после того, как мама повторно задавала вопрос. Определенно Любовь. Можно не гадать на ромашке.

Мне предстояло разобрать уйму вещей. И день я потратила на это. Сначала на то, чтобы уложить все старые вещи, а потом чтобы разложить новые. Кстати, старого багажа оказалось куда больше. И пока я на втором этаже носилась со школьными кофтами, выбирая для них место в кладовой, Максим нашел огромный ящик своих старых игрушек. И принялся его активно разбирать. Удивительно, но все любят рыться в прошлом, даже те, у кого и прошлого-то семь лет. Я улыбалась и слушала рассуждения Максимки, он повторял мои слова, но в отношении себя: «а вот мой мотоцикл, до сих пор хорошо выглядит, а ведь он у меня ещё с молодости, ещё давно-давно со мной. А вот это пульт от машины, она у меня тогда такая классная была. Хорошее было тогда время». Он аккуратно поглядывал на меня, перебирая игрушки, делая вид, что не видит, как я наблюдаю. Мне было смешно слушать, но я старалась сдержаться.

Так пролетел наш день. Я многому научилась от племяши, а он от меня. Помню его фразу, которая пронзила стрелой: «ну, это было, когда мама ещё добрая была, а теперь только орет». И в голове по кругу мысли о том, что ценят то, что теряют или то, что не обрели. Увы, в настройке отношений Максима и его мамы, я была бессильна. Всё, что я могла дать – советы к жизни. Отучить врать, драться. Научить сострадать и любить. Прощать и отдавать. И не ждать зла от людей. И самому быть добрее. Столько всего умного, важного, правильного мне хотелось в него вложить, но где там успеть. И, конечно, Вы скажете, что наблюдать и изредка поучать проще, чем жить с ребенком всю жизнь, но ведь она и не живет с ним толком. С полугода Максим на родителях. Максимум 2 месяца в году он живет с мамой. Всё остальное время у родителей, то есть у бабушки и дедушки. А они души не чают, разрешают многое. Да и как тут не разрешить, эти голубые глазки любого загонят под свой каблук. Вырастет, будет женихом нарасхват.

К вечеру в гости, а точнее в баню пришли дядя Миша и Лешка. Дядю Мишу Вы помните, это муж родной сестры папы, он забирал меня с вокзала, а Лешка это его сын, то есть мой двоюродный брат. Странно, но дядя Миша был без маски. И уже не боялся вируса. Мы хорошо посидели всей семьей, посмеялись и наговорились, мужчины выпили, а мы с мамой поддержали чаем.

Перед тем, как лечь спать, внутри меня опять было горячо. Приятно горячо, как если бы выпить глоток сиропа Битнер из детства, но не для детей. Я вспомнила его, потому что он был забыт, как запах свежих подушек, а теперь я вновь засыпаю на них. Я дома.

Ещё несколько дней меня ожидал легкий шок от завтрака блинами, просторных и длинных дней, и отсутствия даты отъезда. Это не то, чтобы меня тяготило, но удивляло. Даже не помню, были ли вообще в моей жизни такие дни. Я всегда знала дату приезда и уезда. И я всегда куда-то спешила. Всегда было куда спешить, и я помню, как мечтала остановить этот бег. Поставить всё на паузу. Вычеркнуть лишнее. Ну вот – пожалуйста. Долгими днями, томными годами дошла. Только теперь не знаю, что именно я больше люблю. Бег или шаг. И нужны ли вообще эти паузы в жизни? А может это не пауза, а финал? Хочется сразу возразить, мол «нет, мы ещё повоюем», но чем больше я думаю над ответом, тем больше зарываюсь в себе. Теряю смысл жизни и стремление к мечте, которая с годами растворилась в лицах тех, кого считала родными, а потом вырезала из сердца, без наркоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.